

Сергей Бадей

**СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ
СНОВА ПОЛЕТ
СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ**

**ПЛАН АРАГОРНА
ПЛАН АРАГОРНА. РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ**

ВЕРИТЬ ПРЕДСКАЗАННОМУ?

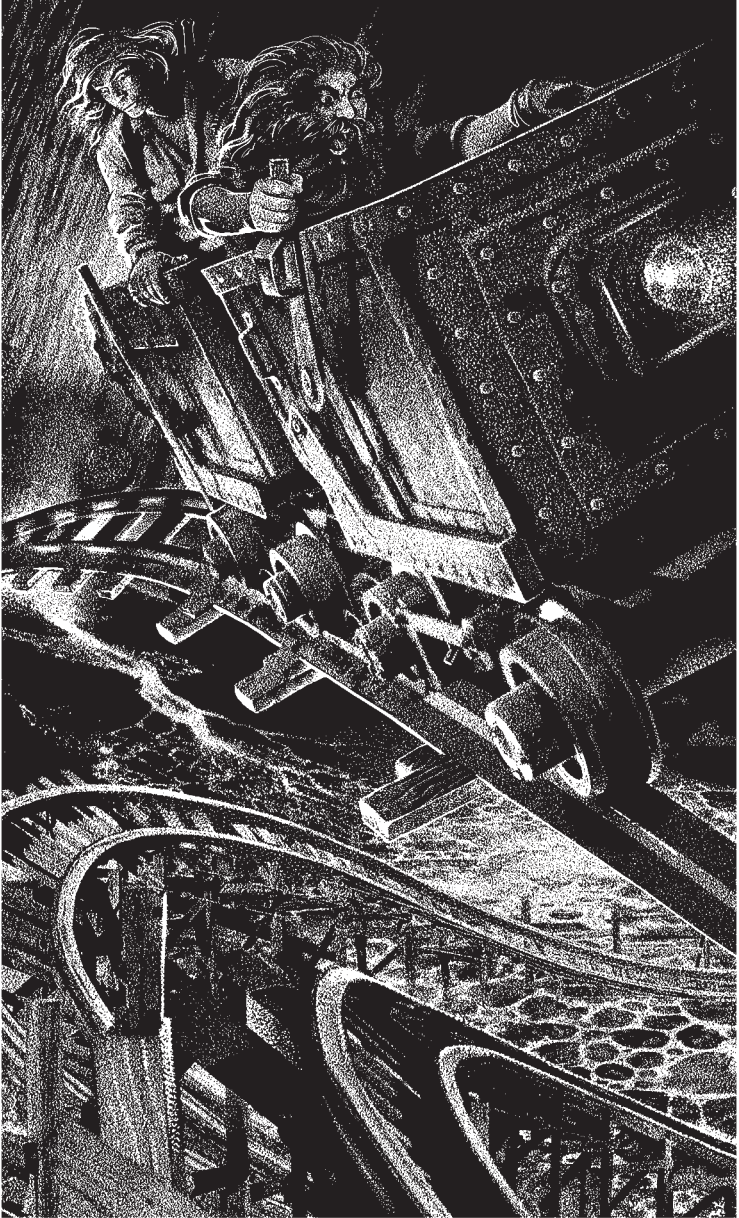

ДУША АРДЕЙЛА

Цикл «Боевой маг»

**ЛУКОМОРЬЕ. КУРС БОЕВОГО МАГА
ЛУКОМОРЬЕ. КАНИКУЛЫ БОЕВОГО МАГА
ЛУКОМОРЬЕ. СКИТАНИЯ БОЕВОГО МАГА
ЛУКОМОРЬЕ. ПОИСКИ БОЕВОГО МАГА**

Сергей Бадей

Душа Ардейла

Роман

Москва, 2012
€АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б15

Художник
О. Бабкин

Бадей С.

Б15 Душа Ардейла: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 311 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1278-5

Он не такой, как все. Он, подобно белой вороне, выделялся из своих односельчан. Найденыш без роду и племени, ставший родным сыном кузнецу и его жене.

Да, все было бы нормально, если бы не стали проявляться черты, свойственные народу далекому и загадочному. Если бы не проявился дар ковать оружие с душой, разговаривать с деревьями, понимать животных. А искусство боя? Разве может обычный человек так владеть клинком?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сергей Бадей, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1278-5

ГЛАВА 1

Отец с лязгом сбросил инструменты в ведро, стоящее у наковальни:

— Конец работе на сегодня, сынок! Устал?

Барат с большим трудом распрямил ноющие плечи и со стоном облегчения уронил большой молот на утрамбованную землю кузницы.

— Ну и куда это ты молот бросил? — сердито заметил отец. — В кузнице должен быть идеальный порядок! Причем заметь: то, что понимают под порядком женщины, совсем не тот порядок! На кузнице каждая вещь должна находиться на своем месте!

Барат недовольно поморщился, но перечить не стал. Поднял молот и отнес его к стене, возле которой стоял деревянный верстак с выложенными на нем различного рода железками.

Отец сбросил фартук и прошагал к большой кадлушке, стоявшей в углу. В ней была вода для умывания после работы. Шумно фыркая и ухая, отец с удовольствием начал смывать дневную копоть и грязь. Барат с гордостью на него смотрел. Приятно сознавать, что твой отец — крепкий, умелый и уважаемый в деревне кузнец. А мастер какой! Несколько раз его пытались сманить более богатые соседи. И плату предлагали заманчивую. Отец отказался и никуда не поехал. Сказал, что еще его дед завещал жить здесь и здесь же умереть.

А деда он чтит. Да и было за что! Отец не раз рассказывал Барату историю рода кузнецов.

Дед отца, Малис, пришел в деревню из Стольного града. Был он там кузнецом в княжьем войске. Мечи ковал, кольчуги, наконечники для стрел и копий. Знатный кузнец был. Особо славились его мечи. Владел он мастерством таким, что и не всякий гном мог с ним сравниться. Рассказывают, что искусству сему обучил его беглый гном.

Да случилась с Малисом история печальная. Пригланулся статный и могучий красавец-кузнец дочери боярина ближнего Патраса. Стала она хаживать в кузницу. Да зачастила туда. Знамо, дело молодое, да и девка была пригожая. Что там у них с Малисом произошло, дед никогда и никому не рассказывал. Только Патрас, узнав о том, пошел с челобитной к князю. Негоже, мол, чтобы простой кузнец да с его дочерью! Навет Патрас на Малиса возвел нешуточный. Чуть ли не в измене его обвинил. Жаль князю было терять такого кузнеца, да понимал, что не жить Малису, если оставить его в граде. Вызвал он Малиса к себе и повелел уйти тому глухой ночью от Стольного града подальше. Осесть где-нибудь в глуши и более в граде не появляться.

Вот так и появился в Опаденихе кузнец Малис. Построил себе дом, а на другом берегу и кузницу сладил. Вот тогда-то и оценили жители деревни, какое им богатство привалило. Владел кузнец искусством необычайным. За что ни брался, все ладилось. Железные изделия, выходящие из-под его молота, славились прочностью и долговечностью. Ножи, сработанные кузнецом, долго не затуплялись, и сломать их было нелегко.

И передал он искусство мудреное сыну своему Кересту. А уж Керест обучил секретам Турота, отца Барата. Кузнец Турот пользовался большим авторитетом

среди деревенских жителей. Славился справедливостью и умом. Ходили односельчане к нему за советом. Сам староста уважительно кланялся ему при встрече. Была у мастера и слабость небольшая. В свободные минуты ковал клинки для мечей. Непростые те клинки были. Называл техникуковки «слоеным пирогом». Вот ей-то и обучал теперь сына. Так и пора пришла! Вырос сынок-то.

Только не был похож Барат на отца. Совсем не был. В семнадцать весен вымахал на голову выше. Выделялся среди остальных и беловолосой головой. Нет, не альбиносом он был, да простят мне столь ученое слово. Черные брови да синие глаза на лице смотрели на окружающий мир пытливо. Среди остальных парней найти его не составляло труда. Все невысокие, черноволосые. Один Барат среди них белобрыс и высок. Задирать его опасались, несмотря на непохожесть. Особенно после того, как Пека, деревенский хулиган и задира, после неудачной шутки остался без двух передних зубов. От быстрого и сильного удара кулаком не ожидавший этого Пека не стал искать калитки в заборе, а прошел насквозь, причем спиной вперед.

Причина такой непохожести проста. Барат был неродным сыном Турота. Единый не дал детей Туроту и жене его Сайне. Так бы и остались без наследника, да случилась одна история.

Как раз семнадцать весен назад год выдался урожайным. В осеннем лесу — благодать! Что грибов, что ягод лесных уродило! Ну как же — рядом с лесом жить и не пользоваться его? Вот и ходили деревенские бабы и девки в лес за дарами лесными.

Толпой они ходили, потому как лес велик был, по хребту Срединных гор в аккурат от северных равнин до жарких краев доходил. И водились в том лесу звери

разные. Какие для человека не страшные, а какие очень даже опасные. Как толпой идешь, то, может, и не тронет, а как в одиночку... Бывало, уйдет один за ограду. Рык, крик — и нету человека. Вот так, толпой, и опасности меньше. И пару мужиков с собой брали, чтобы, в случае чего, мужики смогли защитить.

В тот день недалеко они зашли. Как раз до старого тракта, что из-за гор шел по перевалу.

Давно по этому тракту никто не ходил. Неудобен он был, да и опасен в некоторых местах. Южнее еще один перевал был, не в пример удобнее. Там и шли караванные пути.

На тракт вышли и остолбенели. Застали следы боя. Бой был жестоким и беспощадным. Лежали убитые со страшными ранами. Видно было, что тех, кто ранен был, добивали. Одеты были богато, что женщины, что мужчины. Даже дети были там. И все они, как один, были с белыми волосами. Мертвые синие глаза убитых безжизненно смотрели в небо, как будто видели там души, беспощадно вырванные из этих тел.

Один из сопровождавших баб мужиков опрометью кинулся в деревню. Знамо, подмогу позвать. Позвать и старосту с писарем, дабы бумагу сложить про случившееся. Второй, приготовив на всякий случай оружие, метнулся по окрестностям, дабы изучить местность и следы, если найдутся таковые.

Ох, не зря он это сделал, не зря! Нашел в шагах пятидесяти еще одного убиенного. Три толстых черных стрелы торчали у него из спины. Однако видно было, что, смертельно раненный, полз он от места побоища подальше и тащил корзину, богато изукрашенную, пока смерть не остановила его. А в корзине мужик нашел дитя малое. Живым дитя то было. На пеленках, в которые ребенок был закутан, одно слово нашли, красными нитками вышитое — Барат.

Не знали селяне, что с этим дитем делать. Но не бросать же его на растерзание зверям лесным! Вот и решили Турот и Сайна принять его за сына, раз Единый своих детей не дает. Так и вырос Барат, называя тятьей и мамой чужих по крови, но таких родных по сути людей.

— Пошли, сынок! Мать еды наготовила. А вечером снова за тот клинок возьмемся. Вон купец Шарук за меч, что мы на прошлой седмице выковали, тридцать золотых заплатил, а этот клинок еще знатнее будет. А деньги, парень, они никогда лишними не бывают.

Турот ухватил рубаху, не надевая ее, закинул на плечо и вышел из кузницы. Барат вытерся рушником и, довольно пофыркивая, зашагал за отцом. Усталость, конечно, была, как без нее. Но усталость приятная. Размышляя о том, что не продешевить бы, Барат вспомнил купца.

Купец Шарук приезжал в деревню раз в седмицу. Привозил припасы хозяйственные, ткани градские, соль — то, чего в Опаденихе не достать было.

Привел он как-то коня своего к кузнецу. Подкова на одном гвозде держалась. Глаз купеческий остер. Увидел клинок на верстаке и враз оценил качество. Стал Шарук торговать меч у Турота. Поначалу цену небольшую давал. Да не на того напал! Турот простакom не был, торговаться умел и любил. Не зря сам в град несколько раз ездил, а там не зевай! Долго они торговались, до хрипоты, до красноты лиц. Вертели клинок то так, то этак. Ругались. Несколько раз, плюнув на ладони, собирались скрепить сделку, снова передумывали. Странно они вместе смотрелись. Богато одетый тощий купец и мощный, голый до пояса, в раз-

водах копоты Турот. Наконец сторговали клинок за сорок золотых. Деньги немалые. Да только был уверен Турот, что в граде купец намного дороже этот клинок продаст. Доброе оружие и ценится дорого.

Барат перенял у отца страсть к оружию. Вернее, страсть к клинкам добрым. Вот так, вдвоем, они и ковали их. Отец мастером, а Барат подручным. Отец учителем был, а сын — учеником. Прибыток от того был знатным. Подворье кузнеца было одним из самых богатых в Опаденихе. Разве что у старосты, крепкого хозяйственного мужика, да у писаря побогаче были. Но то другое дело, как они это богатство наживали.

Сайна накрыла стол под навесом. Уж больно в доме жарко было. Крынка холодного ядреного кваса, запотевшая боками, стояла в центре стола. Хлебина была нарезана толстыми ломтями. В мисках глиняных, обожженных, разрисованных замысловатыми узорами, парила наваристая, вкусно пахнувшая похлебка. Зелень, само собой, и соль в солонке. На отдельном блюде завлекательно блестела поджаренными боками курица.

Отец с сыном степенно уселись за стол. Работники! Сайна залюбовалась ими. Какие у нее красивые мужчины! Оба крепкие, широкоплечие. Роднее их у Сайны не было. Она уже давно не обращала внимания на светлые волосы сына. По Барату вон уже девки сохнут, а ведь ему едва семнадцать оборотов сравнялось. И при деле парень. Искусство кузнечества ему хорошо дается. Отец хвалит. Это очень хорошо! Вон деревенские парни, силу девать некуда, в разные истории влипают по дурости. А ее сын не таков! Добрый муж для

какой-нибудь девушки растет. Глядишь, и ее внуками порадуют.

Пока мечтала, мужчины поели.

— Пошли! Сегодня еще пару раз сложим, а потом и за ковку можно приняться. — Отец, вытирая рот чистой тряпицей, поднялся из-за стола. — Почти готов металл. Я тебе покажу, как надо кромку обрабатывать. Это дело, сынок, очень тонкое.

Барат торопливо поднялся и, дожевывая на ходу, двинулся вслед за отцом. Вот это хорошо! Уследить за точными и ловкими руками отца во время работы сложно. А тут он сам будет показывать. Это другое дело! Когда отец объясняет, все становится ясным и понятным. Правда, нырять в жаркий день в еще более жаркую кузницу не очень-то хотелось, но дело того стоило. К тому же он сам избрал для себя это ремесло. Хотелось быть таким же мастером, как и Турот. А может, и превзойти его. Хотя такое, по мнению Барата, было невозможно.

— Учти! — пояснял Турот на ходу. — «Слоеный пи-рог» — искусство очень тонкое и древнее. Тут надобно не только много раз металл складывать, но и за нагревом следить. И перекаливать не вздумай. Загубишь металл. Он должен быть мягким и, подобно шелковой ткани, накладываться слой на слой. Это он потом приобретет гибкость и прочность. Он становится таким прочным, что выгни его дугой — не сломается. О качествековки мастеру расскажут разводы, что ты видел на лезвии мечей. Они же и подскажут, сколько слоев кузнец наложил. Чем больше слоев, тем качественнее меч. Но тем более сложно было этот клинок и сделать. Вот погоди, разберусь с работой-то, повезу тебя в Стольный град. Там ты увидишь работу других и сравнить ее с нашей работой сможешь. Да и цену там дают настоящую за настоящую вещь. Погуляем на ярмарке,

сын, купим мамке обновы, да и себя не обидим! Вон тебе новые сапоги надо бы прикупить. На зиму нечего надеть. А еще хочу взглянуть, что это за новинка такая — арбалет. Говорят, что далече стреляет и целиться с него вроде бы удобнее.

— Это как? — не понял Барат. — Что тут можно придумать? Лук он и есть лук. Чем этот арбалет от лука отличается?

— Вот это я и хочу посмотреть, — заявил Турот. — Говорят, что там тетиву не надо сдерживать. Мол, какой-то крючок нажал, оно само и стреляет. Бред, конечно! Нет, сам посмотрю и решу. Быть может, там что и по металлу можно будет сделать.

И снова в тот день отец с сыном работали допоздна. Размеренно бухал молот Барата, тонко постукивал молоточком Турот, указывая, куда бить и с какой силой.

Светило ушло за горизонт, оставляя за собой быстро темнеющее небо. Проклевывались яркие точки звезд, набирающие яркость по мере ухода солнца. Ночь опускалась на село.

А молот все бил и бил. Ибо работали отец с сыном над страстью, увлечением своим. И тут время бессильно.

ГЛАВА 2

Размеренно качая меха, Барат смотрел, как в горне набирало силу свечение бруска металла, предназначенного для клинка. Отца позвали к старосте, что-то там такое случилось, для чего необходимо было его присутствие. Свечение набирало силу. Цвет прошел все изменения из серого в багровый, потом в алый и перелился в оранжевое яростное свечение.

Присматриваясь к заготовке, Барату вдруг показалось, что он увидел контур клинка изумительной красоты. Всмотрелся... Контур исчез. Досадливо встряхнув головой, отвел взгляд, но... Краем глаза снова уловил силуэт. Резко вернул взгляд и замер. Вокруг бруска металла тонким контуром просматривался изящный и хищный клинок. Он был едва виден, но он был!

Для верности Барат несколько раз сморгнул, но контур не исчез. Где-то в глубине сознания зародилась тихая музыка. Она была очень ритмичная. Она звала, чего-то требовала, о чем-то молила. Музыка набирала силу. И с ней вместе набирал силу, становился все более отчетливым контур меча.

В голове гремели мощные аккорды этой изумительной и совершенно незнакомой музыки. Непонятно откуда в руках появились щипцы и молот. Совершенно не обращая внимания на окружающий мир, Барат подхватил брусок и положил его на наковальню. Аккорды подсказывали ритм ударов. Звенящий гром молота органично влился в звучащую музыку. Дальнейшее Барат помнил смутно. Сознание ускользнуло от него. Его тело и голову наполнял мотив, который и руководил происходящим. Он все бил и бил молотом, подчиняясь ритму, который звучал в его теле. Ритм просил, молил, требовал, указывал и подбадривал. Откуда-то Барат знал, что каждый удар получается точным и выверенным, он бил как надо и куда надо.

...И неожиданно все закончилось. Музыка стихла и ушла. Барат застыл, отходя от только что испытанного неистовства и тупо рассматривая готовый клинок, лежащий на наковальне.

В дверях кузницы стоял отец. Неизвестно, сколько он там уже был. На лице отображалась крайняя степень изумления. Он широко открытыми глазами

смотрел то на Барата, то на клинок. Было понятно, что в его голове роятся сотни вопросов, которые сводятся к одному, самому главному — *как?*

«И что я ему скажу? — устало подумал Барат. — Я же сам ничего не понимаю!»

Но, вопреки ожиданиям, отец задавать вопросы не спешил. Турот молча подошел к наковальне и принялся рассматривать клинок. Вдруг он вздрогнул. Брови его изумленно поднялись еще выше, хотя казалось, что дальше было некуда. Барат тоже опустил взгляд на меч. С мечом творилось что-то странное, невозможное! Барат почувствовал, что его волосы встают дыбом, тело мгновенно охватило жаром, а потом выступил холодный пот. Прямо на глазах рукоять затягивалась матово отсвечивающей, внезапно появившейся кожей. Нарастала гарда, вытягиваясь в трилистник на концах. Отец ухватился за меч и поднял его вверх, рассматривая его. Внезапно случилось странное. Кузнец напрягся, стараясь удержать клинок. Не получилось! Меч вырвался и, сверкнув серебряной змеей в воздухе, упал на пол. Турот, побледнев, зажимая глубокий порез на руке, с восторженным ужасом смотрел на меч. Губы Турота шевелились, он что-то неслышно шептал. Барат метнулся в угол за чистой водой и материей промыть и перевязать рану. Турот как будто даже не замечал крови, текущей из пореза.

— Сараташ! — наконец хрипло выдавил из себя Турот. — Дед мне рассказывал, но я не верил. Думал, что это сказки.

Барат, затягивая последний узел на повязке, обеспокоенно взглянул на отца. Он чувствовал себя виноватым в том, что произошло.

— Наверное, он будет стоить дороже сорока золотых, — желая подбодрить отца, сказал Барат.

— Ты не понял, — покачал головой Турот. — Это

Сараташ. Меч с душой! Его не продать и не подарить. Возьми его!

Барат нерешительно посмотрел на меч. Как-то не очень хотелось брать в руки этот клинок. А вдруг и его так же резанет.

— Да не бойся! Ты же его выковал, — нетерпеливо сказал Турот. — Он — твоё творение. Как он может сделать тебе что-то плохое?

Барат наклонился и тронул рукоять пальцем. Ничего не произошло. Парень осторожно поднял клинок. Тот вел себя смирно. Барат, затаив дыхание, рассматривал творение своих рук. Длинной в два локтя, обоюдоострый клинок постепенно сужался по всей длине, превращаясь в острейшее жало. Внезапно середина лезвия почернела. Острые края, напротив, стали белыми с голубоватым отливом. У Барата сложилось стойкое убеждение, будто меч мурлыкнул от удовольствия, что наконец-то его подняла с пола хозяйская рука. Все существо Барата охватило теплое чувство любви и преданности.

Турот бросился к верстаку и, схватив какой-то брусок, положил его на наковальню.

— А теперь рубани по нему! Да сил не жалея! — азартно бросил он Барату.

Барат возмущенно уставился на отца:

— Да я же на нем зазубрину сделаю!

— Если это Сараташ, то не сделаешь, — отмахнулся Турот. — Давай!

Барат с сомнением посмотрел на брусок, а потом на меч в руках. Очень не хотелось портить такой красивый клинок, к тому же первый, выкованный им самим. Турот в нетерпении смотрел на сына.

«А, ладно! Попробую, но не в полную силу», — решил Барат и, размахнувшись, опустил меч на брусок. Он ожидал отдачи от удара в руки. Даже зажмурился,

но ничего, кроме легкого сопротивления движению меча, не почувствовал. Он мог бы продолжить движение, но именно эта легкость его удивила и остановила. Барат осторожно открыл глаза и посмотрел на свои руки, потом перевел взгляд на отца. Отец стоял с выпученными от удивления глазами. Видно было, что такого не ожидал даже он. Барат перевел взгляд на меч. Увиденное поразило его. Меч рассек брусок и до половины вошел в наковальню, разрезав ее так же легко, как и брусок. Он мог бы и развалить наковальню надвое, если бы Барат продолжил движение.

Отец шумно выдохнул воздух из легких:

— Ну ты даешь! Дед и это рассказывал мне. Я все никак не мог поверить, что такое возможно. Верно, пока не увидишь своими глазами, в это поверить сложно.

Барат осторожно потянул меч на себя. Вопреки его ожиданиям, скрежета не раздалось. Меч вышел легко и мягко.

— Отец, я так и не понял, что происходит? — Барат растерянно смотрел на Турота. — Расскажи мне, что это?

Турот, взмахом руки указав Барату на табурет, сам уместился на краешке верстака.

— Подожди! — попросил Барат. — А как же твоя рана?

— Уже не болит, — улыбнулся отец. — До твоей свадьбы обязательно заживет.

Турот ненадолго задумался, а затем начал свое повествование:

— Мне рассказал это мой дед, Малис. Он много чего знал и умел. Никто не знал, откуда, а сам он не рассказывал. Искусство наше кузнечное он передал твоему деду, моему отцу. Ну, и через меня тебе оно пришло. Так вот, дед рассказывал мне, что там, далеко

на севере, за горами, — Турот махнул рукой в сторону гор, — живет племя, называющее себя ардейлами. Живут ардейлы в лесах. Замкнуто живут. Не любят они чужих. В лесах у них целые города имеются. Строят их так, что лес не страдает. Они любят лес, ну а лес, как водится, любит их.

Турот взял плошку с водой и в два глотка опустошил ее.

— Дед рассказывал, что волосы у этих людей белые как снег. — Турот многозначительно посмотрел на белокурую шевелюру Барата. — Живут они богато. Товары их высоко ценятся в других землях за качество и надежность. А еще более высоко ценятся их воины. И в сече, и в лучном бою ардейлы превосходны, а в лесу так и непобедимы. Но не любят они выходить из своих лесов. Единицы за все время становились под знамена других властителей. Таких можно было пересчитать по пальцам, и двух рук было бы более чем достаточно. И каждый из них стал легендарным воином! Даже пословица была такая: «Лучше встретиться с сотней воинов диких племен Таш, чем с одним ардейлом, да еще в лесу!»

— Таш — это те, что за горами? — спросил Барат.

Отец кивнул, и лицо его на мгновение помрачнело. Он немного помолчал и продолжал:

— Но не этим славился народ Ардейла. Изредка среди них рождались чудо-кузнецы. Могли они делать замечательные мечи. Мечи с душой. Называлось это искусство Сараташ. Меч, созданный ими, служил только своему хозяину, подчинялся только ему, и никто не мог взять его в руки, не лишившись руки, а то и головы за самоуверенность. Если умирал хозяин, то умирал и меч, рассыпаясь в прах. Ценились эти кузнецы, ох и ценились же! Но мог быть только один кузнец в стране ардейлов. Если рождался второй, его убивали

тут же. Да редко такое бывало. Обычно второй кузнец рождался, когда приходило время старому кузнецу уходить.

— Почему? — спросил Барат, ошеломленный рассказом отца.

Турот пожал плечами:

— Не знаю. Рассказываю то, что слышал.

— А как они узнавали, что ребенок может стать таким кузнецом?

— Барат, ты что, не слышал, что я тебе сказал? Я рассказываю то, что слышал от деда, не более того.

Отец посмотрел на меч, лежащий на коленях Барата. Барат опустил голову, вновь любясь совершенством клинка. Погладил его и попробовал остроту режущей кромки.

— Отец, но он же совершенно тупой! — Барат снова изумленно смотрел на меч. — Я попробовал пальцем, но даже не порезался! Как он смог перерубить брусok и наковальню?

Турот усмехнулся:

— Я вижу, ты так и не понял до конца, что такое меч с душой. Он не может поранить своего хозяина, даже легко. Он вообще не может нанести вред хозяину. Ты можешь рубить им любую часть своего тела, и ничего тебе не будет. С таким же успехом ты можешь рубить себя подушкой. А вот если кто-то другой попробует притронуться к твоему мечу... Я еще очень легко отделался!

Турот осторожно побаюкал перевязанную руку.

— Но вот что я скажу: тебе будет лучше не выставлять его напоказ, — продолжал Турот, понизив голос. — Это ни к чему хорошему не приведет. Не любит наш народ того, что ему не понятно. Если не понятно, то опасно. Спрячь его пока. Я пойду к Ребану-воину. Поговорю с ним. Может быть, он возьмется обучить

тебя владению мечом. На него можно положиться, он никому ничего лишнего не скажет. То, что ты из народа Ардейла, у меня не вызывает уже никаких сомнений. Но мне плевать на это! Ты — мой сын. И я буду защищать тебя, пока жив.

Свой новоприобретенный меч, бережно завернутый в старую рубаху, Барат аккуратно засунул за верстак. Он слабо представлял себе, что с ним надо делать. Конечно, меч хорош, но зачем он деревенскому кузнецу? Это боевое оружие, и оно пристало скорее воину, и воину нерядовому. Барат представил себя в суконных штанах и рубахе навыпуск, босого и с этим мечом в руках. Картина получилась не очень героическая.

А отец стал еще внимательней и требовательней присматриваться к работе сына. Заставлял по нескольку раз ее переделывать, пока не получалось то, что, по мнению отца, было близким к идеалу. На ворчание Барата он невозмутимо отвечал, что кузнец, который смог выковать такой меч, не может себе позволить халтурную работу. Да Барат и сам понимал, что надо стремиться стать лучшим. Ну если не лучшим, то одним из лучших, это уж точно!

Но вот свободного времени оставалось все меньше и меньше. Когда Барат изредка проходил по селу, друзья звали вечером выйти прогуляться. Девушки озорно цепляли его, если он проходил мимо. Сайна вечерами ворчала, что старый дурень совсем парня загоняет. Когда парню гулять, как не сейчас? Разве это дело, пропадать с утра до вечера в кузне? Парню уже восемнадцать скоро. Самое время гулять да женку себе присматривать. Турот молчал, но каждый день загружал Барата работой так, что тому головы поднять было некогда.

Вот тут-то к отцу и зашел Ребан-воин. Прихрамывая на покалеченную в боях ногу, он молча прошел в дом. Там они втроем (Ребан, Турот и крынка крепчайшей медовухи) провели несколько часов кряду. О чем они говорили, Барат, конечно, догадывался, но о чем договорились, не знал.

Ребан-воин вышел из дома, его лицо было слегка размякшим и, как показалось Барату, подобревшим. Внимательно прищулив глаза, он рассматривал стоявшего у колодца Барата.

— А что, похож! — сказал Ребан вышедшему вслед за ним Туроту. — Я один раз ихнего посла видал, правда, тот пожиже будет, но определенно похож. Ладно, Турот, подумаю я. Годы мои уже не те, но попробовать охота. Если он хоть вполовину способен на то, что о них рассказывают, то...

Отец, тоже уже не крепко стоящий на ногах, кивнул:

— А попробуй, Ребан, попробуй! Это Сараташ! Точно говорю тебе.

Утром следующего дня Ребан уже стоял у кузни, когда туда пришли Барат с отцом. Вот вроде бы немолод уже был Ребан, а чувствовалась в нем сила немалая, что многим и более молодым была непостижима.

Ночью Барат вспоминал все, что слышал об этом человеке.

Ребан двадцать лет прослужил в дружине князя. Состоял в пешех мечниках. Именно ими и славилась дружина князя. Две сотни сорвиголов, не боящихся смерти, мастера мечного боя, без страха вставали на пути противника, что конного, что пешего. И могли они остановить врага, отбросить назад. Ибо каждый

из них владел клинками как продолжением рук. За заслуги ратные повелел князь именовать мечников гвардейцами. Что слово сие значит, не объяснял, сказал только, что в землях просвещенных так именуют лучшие войска. Великой честью было стать одним из гвардейских мечников. Ребан эту честь заслужил. Даже более того! До сержантских нашивок дослужился. А сержант в дружине — это звание немалое. Всегда с рядовыми, всегда среди них. Жизнью одной он с ними живет. Из одной миски похлебку глотает. Кому, как не ему, командовать десятком вверенных ему бойцов! Знает и сильные, и слабые их стороны. Кого спереди поставить отбивать удары копий, кого чуть оттянуть для мечаго боя с такими же бойцами, а кого и тыл прикрывать, дабы своих сзади враг коварный не порешил. А сержант должен уметь все! И спереди встать, и мечами помахатья с врагом, и прикрыть ребята, аки отец родной. Везде должен успеть!

Все бы ничего, да в одном из боев в Пограничье сцепились два десятка мечников с сотней темных из племен Таш. Стрелы, что в гвардейцев летели, Ребан и еще три бойца мечами поотбивали. Мастерами были, однако и не такое могли. Потом Таш хотели их конной атакой опрокинуть. Куда там! Один боец удар сабли отбивает, второй тем временем коням ноги сечет. Захлебнулась и эта атака. А там из леса ударили основные силы дружины князевой. Всадники Ташевы, не в пример всадникам Стольным, легче броней, да и быстрее. Однако коль всадник из дружины набрал ход на коне своем мощном, то остановить его мудрено. То, что осталось от сотни Ташевой к окончанию боя, смела конница мимоходом, как муху на столе прихлопнула. А вот Ребану в той сече не повезло. Конь степняка, падая, ударом копыта раздробил ногу Ребану. Устал

сержант, не среагировал вовремя. Хорошо, побратимы прикрыли, не дали супостату порубить командира.

Раздробленная нога, несмотря на усилия целителей, срослась плохо. Вот так и вышел в отставку Ребан-воин. Повелел князь за заслуги его выделить ему землю, какую Ребан пожелает, и за счет казны княжеской поставить ему дом. А податей с Ребана не брать до конца жизни его, а даже, как бы и наоборот, платить ему пенсию как ветерану заслуженному. Вернулся Ребан туда, откуда родом был, откуда молодым парнем в войско княжеское подался. Дом ему поставили и земельным наделом не обидели. Однако отказался Ребан от надела. Семьи не завел, а одному ему и пенсии на жизнь хватало. Вот так и ходил он по деревне, смущая взглядом пристальным и тяжелым жителей. Слыл нелюдимом; односельчане его уважали, хотя и побаивались.

— Ну показывай свою железку! — властно приказал Ребан Барату, поздоровавшись с Туротом.

Барата покорило от пренебрежения, проскользнувшего в голосе Ребана, но он молча полез за верстак, доставая меч, завернутый в рубаху.

Когда Ребан увидел «железку», его глаза на мгновение удивленно расширились. Он покачал головой и внимательно посмотрел на Барата. В его взгляде проскользнуло уважение.

— Сам выковал, говоришь? Хорош! Ничего не скажу, хорош! Ну-ка, дай его мне!

Ребан протянул руку к мечу. Барат буквально услышал, как зарычал меч в руках, и отрицательно замотал головой.

— Что такое? — не понял Ребан. — Жалко, что ли?

— Он рычит! — хрипло сказал Барат и прокашлялся.

— Кто рычит? — не понял Ребан. — Парень, ты часом не перегрелся? Или еще не проснулся?

— Ребан, — вмешался Турот, — ты хоть помнишь, о чем мы говорили? Или я тебе рубца не показывал? Хочешь без руки остаться? Если парень говорит, что меч рычит, значит, он рычит. Просто ты не слышишь, ибо тебе не дано! А когда услышишь, то поздно будет.

— Но я ж должен его измерить! Как я в дереве смогу замену сделать?

— Зачем в дереве? — удивился Барат. — Какую замену? А как же мой меч?

— А затем, чтобы мы, пока я тебя учить буду, живы остались. Да к тому же и целы. Поначалу надобно на деревянных подобиях обучаться. Как я тебе приемы боевые показывать буду? Да если я настоящим мечом буду работать, то мало что от тебя останется! А если ты за свой ухватишься, то сам себя порешить можешь!

— Ну не тот это случай, — покачал головой Турот. — Сараташ хозяину плохого не сделает. Но в том, что надо замену сделать, ты прав. Вот что я посоветую: пусть Барат держит свой меч двумя руками, а ты со своей бечевкой колдовать будешь.

— Сам ты бечевка! — пробурчал Ребан. — Это измерительный прибор!

— Измерительный... чего? — прищурился на него Турот.

— Прибор, деревня! — хмыкнул Ребан. — Научное слово! В граде слыхивал. Мудрый человек его говаривал, как чего непонятно было.

— Научное? Ну-ну, — иронично улыбнулся Турот.

Пока Барат держал клинок, прижав его к наковальне обеими руками, Ребан старательно возился вокруг него с бечевкой, завязывал узелки на кончиках и в месте, где была гарда, что-то бормотал, хмыкал и покачивал головой.

— Через седмицу вечером приходи! — буркнул Ребан, выходя из кузницы. — Буду ждать. Посмотрим, что из тебя получится.

ГЛАВА 3

Эх, хорошо, когда речка Быстрица протекает у самой кузницы! Барат разбежался, прыгнул и с криком «Ух!» врезался в холодную воду реки. Вынырнул, мотая головой и разбрызгивая мокрыми волосами капли воды. Быстрое течение понесло его вдоль берега. Яростно работая руками и молотя ногами, Барат начал выгребать против течения к берегу. Не хватало еще оказаться над омутом, в котором, если верить деревенским бабкам, жил сам Сом Сомыч. Сом Сомыч рисовался старухами как чудище здоровенное, с пастью жабы и с усами приказчика купца Тратуша. И засасывает это чудище свою жертву целиком. Только водоворот на том месте остается.

Не то чтобы Барат верил в эти сказки, но все же не рисковал плавать над омутом. Очень может быть, что в сказках бабок и есть доля правды. Все же видел один раз Барат, как плыл по тому омуту селезень. Плыл, а потом пропал. Как не бывало его!

Плаванью Барата научил отец. Деревенские плавать не умели и заходить далеко в воду побаивались. На барахтанье в воде Барата смотрели искоса, считая это никому не нужным чудачеством. Не знают они, как прекрасно после трудового дня в раскаленной кузнице нырнуть в прохладные воды реки! Смыть с себя пот, грязь и усталость.

Выбравшись на берег, Барат постоял, подставляя теплему солнцу то один бок, то другой, давая телу возможность обсохнуть. Ах да! Сегодня надо идти к Реба-

ну. Седмица прошла, и Ребан передал через отца наказ прийти. Интересно, чему он сможет научить? Нет, чему, оно ясно! Мечом махать. А вот какво это?

Ребан еще раз обошел вокруг Барата, придирчиво рассматривая его со всех сторон.

— Руки длинные — это хорошо! — бормотал он. — Мах должен быть широким. Мускулы плеч и предплечий, да и сами руки крепки. Это тоже хорошо. Но закрепощены они. А вот это — плохо. Придется разрабатывать связки. Впрочем, для твердых ударов подходят. Гибкости мало... Реакцию надо будет развивать. Хм, взгляд, как у телка, мягкий. Взгляд воина должен быть быстр и жёсток. А так материал, хоть и сыроват, но неплох, неплох... — Ты хоть понимаешь, для чего сюда пришел? — внезапно строго спросил Ребан у опешившего от неожиданности Барата.

— Учиться, — выдавил из себя Барат.

— Чему учиться? — напирал Ребан.

— Ну...

— Убивать учиться! Защищать свою жизнь учиться!

Выживать учиться! Понял?

Барат подавленно кивнул.

— Ничего, еще поймешь! — покровительственно похлопал его по плечу Ребан и хитро прищурился: — А когда поймешь, то проклянешь тот день и час, когда согласился на это. Не всяк выдержит то, что тебя ожидает. Может, еще передумаешь, а? Вон калитка открыта. Поворачивайся и иди. Держать не буду!

Желание повернуться и уйти было сильным, но Барат представил себе лицо отца и что он скажет, когда узнает о малодушии Барата. Желание уйти сразу исчезло. Барат сжал зубы и с решительным выражением на лице смело взглянул в насмешливые карие глаза Ребана.

— Я пришел учиться, мастер! Прошу тебя научить меня владению мечом.

Ребан некоторое время молча вглядывался в синие глаза Барата, словно что-то читая в их глубине, в самой душе парня, потом медленно кивнул:

— Ну что же, ты выбрал. Стой здесь! Я сейчас. — Ребан повернулся и вошел в свой дом.

Вот уж не ожидал Барат, что учеба начнется таким образом. В его представлении Ребан-воин сразу должен был показать ему, как рубить, колоть и защищаться. Но то, с чем столкнулся Барат в начале обучения, мало напоминало картины, которые он себе рисовал в воображении. Стоять несколько часов неподвижно с деревянным мечом, поднятым на уровень груди, со свинцовыми накладками для тяжести. Зачем? А зачем эти круговые вращения кистями рук? Зачем эти утомительные занятия, когда надо изгибаться под немислимыми углами? Особый ужас вызывали упражнения, когда Барату нужно было сесть на шпагат. Ребан называл это мучение «растяжкой» и со всем пылом садиста заставлял распластываться Барата.

Каждый день, едва солнце начинало заглядывать в дверь кузницы, отец прекращал работу и выразительно кивал Барату на дверь — иди, мол! И Барат шел, передвигая натруженные ноги, зная, что сейчас ему предстоит еще более утомительное занятие. Свободного времени совсем не осталось. На молодежные посиделки и танцы под веселую музыку просто не было сил. Стоя с мечом в вытянутой руке, Барат с тоской слушал веселый девичий смех и возгласы деревенских парней. Но какое-то ожесточение уже овладело им. Ему нравилось испытывать свое тело на прочность, напрягать непривычные к таким упражнениям мускулы. Барат не считал себя слабым. Какая слабость, если

каждый день приходится махать тяжеленным молотом? Бить точно туда, куда постукивал молоточком отец, рассчитывая силу удара и угол наклона? А Ребан поколебал его уверенность в своих силах. Ноги затекали от многочасового стояния в одной позиции, плечи ломило, рука с мечом неумолимо тянула вниз. Опустить, отдохнуть! Но Ребан, который, казалось, занимается своими делами, совсем не обращая внимания на мучения Барата, был на самом деле всегда готов заметить малейшую неточность в выполнении упражнения. В самый неожиданный момент, когда Ребан вроде бы смотрел в другую сторону, раздавалось его ворчливое замечание:

— Ну куда твою руку повело? Я тебе что, это показывал? Кончик меча выше! Да не кривись ты! Это еще цветочки. А ну живенько встал так, как я показывал! И не вздумай сачковать! Учти, я все вижу.

Сайна только головой качала да втихомолку ругала Турота и Ребана за издевательства над мальчиком. Попыталась один раз укорить Турота, но нарвалась на такую гневную отповедь, что больше не рисковала.

А вскоре Барат заметил, что молот как будто стал легче и послушнее. Не требовалось больше предельного напряжения для выверенного удара. Все получалось легче и увереннее. Походка Барата тоже стала иной. Если раньше он передвигался, тяжело шагая, как и положено кузнецу после трудового дня, то теперь его шаг стал легким и плавным. Движения стали более экономными и отточенными. Для Барата это было не так очевидно, но Турот это заметил и с еще большим уважением стал относиться к урокам Ребана.

А Ребан тем временем постепенно стал менять характер тренировок. Он уже больше заставлял Барата крутить длинный металлический стержень, перехва-

тывая ладонью его посередине. Причем заставлял делать это попеременно то правой, то левой рукой. Наблюдая за Баратом, Ребан одобрительно кивал.

— Ты одинаково свободно работаешь и правой и левой рукой! Это очень хорошо! — заметил Ребан Барату во время короткой передышки. — Значит, во время боя ты будешь более вооружен, чем твои противники.

— Чем вооружен? — удивился Барат. — Меч-то один!

— А руки — две, — хмыкнул Ребан. — Повредят одну, перекинешь меч в другую — значит, больше шансов выжить.

ГЛАВА 4

Лето стремительно катилось к завершению. Осень начала вступать в свои права. Дни становились все короче. На траве по утрам нет-нет да появлялись серебристые полосы утренних заморозков. Заготовка припасов на зиму занимала умы деревенского люда. Зима — это очень серьезное испытание! Овощи и мясо в погреба, корм скоту, дрова заготовить. А одежда? Чтобы было в чем ходить в морозы лютые, готовую одежду можно заказать Шаруку — купцу, что из города приезжает, так ведь деньги нужны. А где их взять? Значит, надо продать тому же Шаруку что-нибудь. Просто что-нибудь Шаруку не нужно. Шарук брал шкуры зверей, добытые охотниками, и ценную древесину горного тарталя.

За один ствол тарталя можно было одеть всю семью. Да что там одеть! Можно жить безбедно год, а то и более. Уж очень ценилась древесина этого странного дерева. Красивые переливы перламутра вызывали

восторг мебельщиков. Ночью, когда так темно, что ничего не видать, слабое свечение мебели из тарталья дает возможность ходить по комнате, не натыкаясь на другие предметы обстановки. Да только найти горный тарталь трудно, а срубить и по давню! Растет на скалах, куда без специального снаряжения, да еще и с топором, забраться ох как сложно! Но находились счастливики, которые не только находили, но и умудрялись срубить. Нечасто такое бывало, очень нечасто. Но коли уж случилось, то этот день становился счастливым для всего рода, ибо он становился богатым, и рассказы об этом случае передавались из поколения в поколение.

— Барат, я сегодня беру два топора, пойдем нарубим на зиму дрова. — Турот туго затянул ремень и повернулся к сыну.

— Я не пойду, — глухо ответил Барат, опустив голову к столу, за которым сидел, не решаясь посмотреть в глаза отцу.

Турот выпрямился и строго посмотрел на сына:

— Почему?

Сайна прекратила возиться у печи. Она не обернулась, но по напрягшимся плечам можно было определить, что мать с напряжением прислушивается к разговору. Турот заметил, как на мгновение гримаса боли исказила лицо Барата.

— Я не могу. — Барат нервно сжал кулаки и поднял голову.

— Объясни, сын! — Турот подошел к столу и, опершись на него руками, пытливо посмотрел на парня.

— Они живые! — вдруг, неожиданно для себя, выпалил Барат. — Когда их рубят — мне больно! Как будто топором мне по телу рубят.

— А как зимой у печи теплой сидеть, тебе не боль-

но? — сердито отозвалась Сайна, поворачиваясь к мужчинам.

— Подожди, Сайна! — повелительно сказал Турот. — Тут вопрос серьезный. Если это то, о чем я думаю, то мне понятно это нежелание. А когда деревья тут пилим, тебе не больно?

— Нет, — покачал головой Барат.

— Мгм... — Турот захватив ладонью нижнюю губу, задумчиво покосился на Сайну, потом снова обратился к Барату: — А ты пробовал понимать деревья?

— Ты что, старый, совсем умом тронулся? — ахнула Сайна. — Как же их понимать, коли они не разговаривают?

Турот только грозно засопел. Сайна испуганно замолчала. Она хорошо знала, что, когда Турот издавал такое сопение, ему лучше не перечить.

— Мне кажется, что понимаю, — пожал плечами Барат. — Только это все как-то медленно....

— Что медленно? — поднял брови Турот.

— Ну думают... или говорят медленно. — Барат пытался найти правильное определение. — Вернее, не говорят, а чувствуют... Я не могу объяснить, это как-то сложно.

Турот в раздумье смотрел на Барата. Потом его лицо оживилось:

— А давай кое-что попробуем? Пошли во двор!

Турот, широко шагая, стремительно подошел к воротам. За ним спешили недоумевающий Барат и Сайна, которую заинтересовало поведение мужа.

Турот вышел за ворота и остановился у старого дуба. Он похлопал ладонью по его коре и указал рукой на одну из ветвей.

— Вон видишь эту ветвь? — обратился Турот к Барату. — Она неправильно растет и не нужна ему. По-

попробуй пообщаться. Попроси его избавиться от этой ветки.

— Как пообщаться? — Барат с удивлением посмотрел на отца. — Я их чувствую, но я же с ними не разговариваю.

— А ты попробуй! — настаивал Турот.

Барат пожал плечами, но все же приложил ладонь к шершавой коре старого дерева. Сначала он ничего не ощутил, но потом почувствовал легкую дрожь потоков, протекающих по мощному стволу. Он увидел мысленным взором все переплетение жизни могучего гиганта. Да, ветка, о которой говорил отец, выпадала из этого узора. Ну не вязалась она с ним! Через некоторое время в воображении Барата сформировался новый узор, в обход этой ветви. Проявились новые пути движения потоков. Питание ветви блокировалось, она отмирала прямо на глазах. Барат это видел мысленно, а Турот наблюдал непосредственно. Турот увидел, как листья на ветке засыхали и, отрываясь от веток, плавно заскользили вниз. Ветвь дрогнула и начала падать. Турот понял, что она сейчас рухнет прямо на стоящего рядом с деревом сына. Он прыгнул, захватил Барата за пояс и рванул его в сторону. Грохот упавшей ветви совпал с испуганным возгласом Сайны.

— А встать так, чтобы тебе не грозила опасность, ты не мог? — Турот укоризненно смотрел на Барата.

— Прости отец, я не подумал. — Барат виновато улыбнулся Туроту.

Турот еще раз покачал головой и повернулся к дубу. Картина, представшая его взору, поражала. Место, из которого ранее росла ветвь, было чистым, как будто там ничего не росло ранее. Свежая кора начала покрывать этот малозаметный шрам.

— Да! — Турот запустил пятерню в свою шевелю-

ру. — Кому рассказать, так не поверят. Объяснить, как это получилось, ты, конечно, не можешь?

Барат отрицательно покачал головой. Какими словами передать те чувства, что он ощутил, влившись в организм растения? Получилось то, что получилось.

Зимы в Пограничье суровы и снежны. Опадениха окружена снежными, неприветливыми лесными массивами. Пробриться через снеговые завалы дело трудное. Долгими зимними ночами часто слышен вой белых волков, наглежащих с каждым днем. Уже замечены они были у крайних домов деревни. Тревожился испуганный скот. Хозяева надеялись только на крепость стен и запоров сараев, в которых содержались животные.

Турот распахнул дверь кузницы, выйдя подышать свежим морозным воздухом, и замер. Перед ним, оскалившись, стоял здоровенный белый волк, еще пара кружилась неподалеку. Барат, почуяв неладное, выглянул через плечо отца во двор. Мгновенно оценив опасность, схватил свой меч. Волк уже подобрался перед прыжком, когда между ним и добычей возникла фигура с мечом, кромка которого сияла голубым яростным светом. Турот не успел ухватить сына, когда тот промчался мимо него.

Барат чувствовал, как его клинок завибрировал, желая схватиться с неведомой опасностью. Руки слились с рукоятью меча в единое целое. Барат был готов к бою с волками. Да, с волками, потому что пара, кружившая неподалеку, заметив появление людей, бросилась в их сторону.

Вожак, недолго думая, прыгнул, целя в горло Барата. Коротко свистнул меч, оставляя за собой сияющий голубой след. Барат сделал шаг в сторону, пропуская

мимо себя обезглавленное тело. Тут же меч пошел вверх, рассекая снизу второго подбежавшего зверя. Без перерыва описав шелестящую дугу, клинок вошел в тело третьего, пытавшегося в прыжке сбить Барата с ног.

Турот, выскочивший из кузни с топором в руках на помощь сыну, растерянно замер, осматривая поле боя.

— Да, сынок. Ребан учил тебя хорошо, — наконец выдавил из себя Турот.

— Ребан пока еще не учил меня ударам, — возразил Барат, стряхивая с меча тушу волка. — Это как-то само получилось. Он вроде сам тянул меня за руку. — Барат с уважением посмотрел на свой клинок.

Турот покачал головой:

— Тогда он спас тебе жизнь! Дай ему имя, раз уж он так непрост.

— Может, Волкобой? — Барат вопросительно взглянул на отца.

— Дай Единый, чтобы он только волков и бил, — скептически хмыкнул Турот. — Но у нас в Пограничье, к сожалению, не только волки водятся. Имя клинка должно быть недлинным, красивым и личным. Например, Клык дракона. Чем не имя?

Барат в мыслях покрутил предложение отца. Нет, что-то не то! Не вяжется с его клинком это имя. О! Вот лучше, наверное — Синий Огонь! А если коротко, то просто Огонь. О своих размышлениях Барат тут же рассказал отцу. Теперь настала очередь Турота перекачивать имя — мысленно, так и этак. Наконец он кивнул, соглашаясь. Имя нормальное, да и меч-то Барата, значит, и называть ему. Довольный Барат тщательно вытер клинок, хотя он и так был чист, завернул Огонь в рубашку и бережно уложил на место.